

Горновская Агафья Михайловна рассказывает:

Теперь много пишут в газетах и журналах о жертвах сталинизма 1937-1939 годов. Вот и я хочу рассказать о своей огромной крестьянской семье из 15 человек и ее трагедии.

Фамилия наша Горновские пошла от профессии моего прадеда-кузнеца, от слова «горн».

Мой отец Горновский Михаил Семенович со своей семьей жил в д. Горельши Витебского округа. До Октябрьской революции мы имели 5 десятин земли. Жили очень бедно в малюсенькой хатке, где я и родилась. После революции при разделе помещичьей земли получили хутор в 22 десятины, из них 14 – удобных для пахоты и сенокоса, остальное – болота и кустарники.

В первый год после революции отца избрали комиссаром милиции. Прослужил он года полтора и попросил освободить его, так как большая крестьянская семья и семейные дела требовали находиться дома /а служил он за 18 км, в районе/.

После переезда в д. Лучеса, где находился наш хутор, построили небольшую хату с двумя маленькими окнами. А до постройки пришлось пожить в овине, где сушили хлеб, где печь была без трубы /курная/. Кровати в хате некуда было поставить а были сделаны полаты вдоль стены, и все мы там спали. Летом взрослые ночевали на сеновале, а зимой приносили куль соломы, стелили его на пол, покрывали постилушкой, вот и была постель.

Время шло, дети подрастали, учились, а летом все работали и в поле и дома. Посадили сад, начали строить пятистенный дом. Но так как средств не хватало, строительство затянулось и пришлось к дому пристроить маленькую, так называемую кухню, где стала жить половина семьи.

За три зимы я закончила начальную школу в 27-м году. Очень хотела учиться в 5-м классе. Но меня не приняли, т.к. наше хозяйство к тому времени стали считать кулацким. Мы имели тогда 3-х лошадей, 5 коров, овец и другую живность, как в любом крестьянском хозяйстве. Наемной силой мы не пользовались. Из семи братьев 6 человек были взрослые. Из сестер двое, в том числе и я, с семи лет работали: пасли скот, доили коров, пряли лен. /Все больше шили из своей ткани материи/. В полную силу трудились и отец с матерью.

Семья наша была абсолютно непьющей. Жить мы стали лучше, но нельзя сказать, что хорошо. Яйца и масло приходилось возить в Витебск на базар, т.к. деньги нужны были для хозяйства и для дома. И нам, детям, мало что доставалось, кроме мяса.

Пришел 29-й год. В нашей местности началась попытка организации колхозов, и на общем собрании крестьяне нашей деревни Лучеса предложили отцу первому записаться в колхоз, показав пример другим. Отец был хорошо грамотен по тем временам и имел авторитет во всей нашей бывшей волости – отказался записываться. Вот с этого времени и началась завязка трагедии

нашей семьи. Через несколько дней отца арестовало Витебское ГПУ, предъявив ему обвинение в срыве организации колхоза. Продержали его в тюрьме около двух месяцев. А вскоре приехали из ГПУ. Переписали всех, за исключением трех братьев: Трофима, учителя местной школы (после Гражданской войны он окончил рабфак и курсы учителей), Тимофея, служившего в Красной Армии, и Антона, работавшего геодезистом на строительстве БелГРЭСа. Предъявили отцу постановление Витебского ГПУ, что он со своей взрослой семьей высылается в Сибирь сроком на три года. Срок на сборы дали 7 дней. Это было в конце августа, как раз началась сборка хлебов. Надо отметить, что обошлись тогда с нами, если можно так сказать, по-человечески. Никаких издевательств не допустили, ничего не отняли. Разрешили, если успеем все убрать, обмолотить, ликвидировать скот. Правда, зерно заставили сдать по твердым ценам (как тогда говорили). Вся округа откликнулась на нашу беду. Помогли убрать, обмолотить. Отправили нас без конвоя до ст. Богушевская, а оттуда пассажирским поездом до Новосибирска.

Новосибирское ГПУ направило нас на поселение в Колпашевский район ныне Томской области. А из Томска дали определенную путевку в д. Даниловка Колпашевского р-на (ныне этой деревни нет). По приезде наша семья очень бедствовала. Ссылным разрешалось работать только в лесу. Меня взяли одни хозяева в няньки за 3 руб. в месяц. И нас, несовершеннолетних, решили отправить обратно в Белоруссию к брату Трофиму, которому мы оставили двух коров и лошадь, а также зерно. Он к тому времени вступил в колхоз уже в той деревне, где мы жили до революции. Брат работал учителем от колхоза. Стала работать в колхозе и я. Разносила почту, жала хлеба (тогда все еще делалось вручную), убирала сено. Отец же и братья рассчитывали после отбытия срока ссылки вернуться на родную землю, где мы уже находились. Когда кончился трехгодичный срок, отцу и остальным высланным членам семьи выдали документы об отбытии срока ссылки по ст. 58 п-10. собрались они возвращаться, но, как потом говорил отец, в то время и в ГПУ были добрые люди и посоветовали отцу не возвращаться. Сказали: «Куда вы собрались ехать, там вас через год-два снова вышлют куда-нибудь в Заполярье, где вы и погибните. Теперь вы вольные, прижились здесь и живите». Так они и решили остаться. Написали брату Трофиму, чтоб он привез нас в Сибирь, и в 33 году мы снова очутились здесь.

Брата Трофима мы видели в последний раз. После того, как он привез нас – уехал в Мурманск (не знаю, почему именно туда), т.к. на родине начальство районное стало относиться к нему с подозрением, как к сыну ссылного. Вскоре к нам приехал брат Тимофей, демобилизованный из армии досрочно.

Все к этому времени с работой устроились. Аврам работал в Челковском леспромхозе Чаинского района ст. бухгалтером, был женат уже. Георгий – в колпашевском райпотребсоюзе, тоже гл. бухгалтером, был женат, имел двух детей. Тимофей был инспектором Нарымского окрсобеса в г. Колпашево. У меня тоже была уже своя семья. Родители жили с братьями. Младшая сестра Лида училась в колпашевском пединституте. Все были устроены и жили в меру своих возможностей и уже на жалели, что мы очутились в Сибири. Отцу

нравились сибирские просторы, чего не было на родине, хотя каждую ночь ему снились родные места.

Наступил страшный 1937 год. Страшная участь постигла нас, Горновских.

1. В Карелии был арестован Трофим. Не узнано до сих пор, суд или тройка вершили дело, но узнала, что он был в лагерях и, видимо, погиб там.
2. В Белоруссии, в Быховском районе, в райисполкоме техником-строителем работал Антон. Арестован в ноябре 37 года и постановлением тройки НКВД БССР по делу (как указано в справке об освобождении) «осужден» на 10 лет лагерей. Пройдя все круги лагерного ада, на диво выжил и после 10 лет освобожден с ограничением мест жительства по каким-то статьям. Он так и остался в Горьковской области (место лагерей) и работал до пенсии. Ныне 85-летним одиноким пенсионером живет в г. Могилеве.
3. Авраама 18 декабря 1937 года арестовало Колпашевское НКВД. Постановлением комиссии от 19.01.38 г. обвинен по ст. 58-п. 2, 6, 8, 11. Он был приговорен к расстрелу и расстрелян 23.02.38 г. Военным трибуналом Сибирского военного округа 22.10.57 г. дело было пересмотрено, дело отменено производством и прекращено за отсутствием состава преступления. Он реабилитирован посмертно (из справки ВТ СибВО от 28.03.58 г.). Ему было 35 лет.
4. 27.01.38 г. арестовали Георгия (он в последнее время был переведен на работу в НКВД ст. бухгалтером). Постановлением комиссии НКВД от 21.02.38 г. по ст. 58 п-2, 6, 8, 11 он приговорен к расстрелу. Его расстреляли 01. 04.38 г. он также реабилитирован посмертно. Ему 27 лет. Справка Вт СибВО от 28.03.58 г. №1222157.
5. 16.02.38 года арестовали Тимофея. Ночью подъехал «черный ворон» и увезли. Когда были уже арестованы два брата, Тимофей ждал, что ему тоже этой участи не миновать, зная лозунги того времени «Выкорчевывать с корнем». А что пережила мама (она жила с ним). Постановлением комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 21.04.38 года, обвиняемый по ст. 58 п. 2, 6, 11, он приговорен к расстрелу и расстрелян 12.05.38 г. (ему было 32 года). Военным трибуналом Одесского округа, дело пересмотрено и прекращено производством за отсутствие состава преступления. Он полностью реабилитирован тоже посмертно (справка ВТ ОдесВО от 25.09.57 г. №678/н). дело пересмотрено ВТ ОВО 20.09.57 г.
6. Брат Антон тоже реабилитирован Могилевским облсудом от 05.08.64 г. №44-4-07. В 37-38 годах начальником НКВД работал Мартон, которого впоследствии тоже «изъяли». А прежде, чем

арестовать Тимофея, который работал инспектором горсобеса, арестовали его начальника по фамилии Ермолович. О нем ничего не известно.

После реабилитации братьев наша мать-старушка, оставшаяся одна, стала ходатайствовать о назначении ей пенсии за невинно казненных сыновей (было по этому вопросу постановление правительства в 1957 году). В Собесе для назначения пенсии потребовали свидетельство смерти. После целого ряда ходатайств перед прокуратурой Томской области Колпашевский ГорЗАГС выдал матери справки за №№ 009411, 009412 и 009413, что: Авраам умер 23.02.44 г. в возрасте 41 год от гнойного плеврита, Георгий – 01.04.44 г. в возрасте 42 лет, Тимофей – 12.05.42 г. от менингита. Какая издевательская лож! И эти справки со справками о реабилитации, одна другую исключают, вполне удовлетворили чинам из Собеса, и матери оформили пенсию за казненных сыновей, целых 18 рублей. А ведь это было уже после XXII съезда КПСС. Кроме этого, ей выплатили 600 руб. за Тимофея, с которым она жила. Можно представить, что творилось в ее душе при получении этих денег. Откуда же мне стало известно о расстреле братьев? После освобождения брата Антона, как уже сказано выше, он работал в Горьковской области, и ему показали его личное дело, где были вписаны все братья и дата их расстрела. Вот как четко работали органы НКВД.

6 января сего года в беседе с деятелями науки и культуры М.С. Горбачев сказал: «По стране пошли поиски. Люди находят места захоронения. Их нужно огородить, привести в порядок...» (речь шла о жертвах репрессий 1937-38 гг.). Об этом много говорится в печати.

А как же поступили в г. Колпашево в 1979 г. с местом, где были зарыты невинно расстрелянные опричниками Сталина? Еще в 1979 г., весной, под яром дети находили черепа с дырками в затылке. А в мае месяце, точнее 1 мая 1979 г., бурным разливом реки Обь начало сильно подмывать высокий берег, который со времени 30-х гг. смыло более, чем на полкилометра. На этом берегу стояло зловещее здание НКВД с обнесенным забором двориком, а с парадного входа был посажен садик. В 1939-40 гг. я ходила на работу мимо этого дома и 2-х овощехранилищ, из которых видны были вентиляционные трубы. По предположению народа, эти овощехранилища были забиты мертвыми. Здание это давно снесла природа и раскрыла неслыханные преступления наших органов НКВД. Итак, люди шли с демонстрации и увидели жуткую картину. Жертвы плыли вниз по течению Оби. Весть быстро распространилась по городу. Сказали и мне. Что я там увидела? Обвалившийся берег, кости, черепа, хотя силами милиции трупы были присыпаны землей, но в просветах видны были незасыпанные длинные женские волосы. Стоял смрадный запах. Хотя милиция и отгоняла, некоторые люди пробирались дальше и, выходя, говорили, что видели еще не разложившиеся трупы, одетые в валенки и длинные пальто, а также видели маленькие туфельки детей. А трупы продолжали плыть. Когда я пришла назавтра, там уже это место было огорожено высоким забором.

Тут же были и знакомые руководители организаций, и один рассказал мне: (Пугачев Алексей Семенович): весь актив собирали в Горкоме КПСС, где первый секретарь Шутов (имя и отчество не помню) выступил и сказал, что во избежание всяких кривотолков, он решил поставить в известность население, что это не какие-то жертвы сталинизма 37-38 годов, а расстрелянные в военное время дезертиры. Вот так! А.С. Пугачев говорил, что все сидели, опустив глаза: стыдно было за секретаря, зная, кто там был похоронен. А когда кто-то задал Шутову вопрос, почему бы не похоронить тела, он ответил, что это трудно сделать, что берег крутой, а медицина дала разрешение вымыть в реку.

В это же время гулко работали моторы буксиров, вымывая жертвы. Женщины, кого это касалось, плакали и говорили между собой, что ведь могло же начальство решить похоронить где-нибудь в общей могиле, хотя бы поклониться было куда сходить, почтить память родных. А потом по прошествии времени люди говорили, что много трупов выбрасывало волной на берег, что они были не разложившиеся и можно даже было опознать, хотя бы по одежде. Видно, они были на большой глубине. Обо всем этом варварстве знает каждый в Колпешево. А особенно, кто в это время работал в милиции. Вот один из них: Волков Петр, проживает в г. Колпашево, ул. Челюскина, д. 66. Говорят, что он кому-то говорил о наличии таких захоронений в лесу.

Об этой ужасной истории я написала брату Антону в Могилев, но письмо мое не дошло до адресата. Нетрудно понять почему. Старалась власть имущая сохранить все в тайне.

Хочу еще коротенько описать, как в 1935 году обошлись местные власти с семьей моей сестры, Евтушенко О.М. Жили они в то время в деревне Чалково Колпашевского района. Не помню за что, но их обложили принудительным налогом. Всю сумму внести они были не в состоянии, и пришли к ним описать имущество председатель сельсовета и член сельсовета, Майков Семен и Родионов Михаил. Описали все, что было в хозяйстве, в т.ч. и мясо, сало от забитой свиньи. Висел на стене сшитый из лоскутков коврик – сняли. А у сестры были надеты валенки, она была с ребенком на руках и не могла подумать, что с ней так поступят. Один завалил ее и держал, а другой стаскивал валенки с ног. Ну пусть был закон описывать, взыскивать, а вот самое отвратительное то, что валенки носила жена председателя и коврик висел у них на стене, а жили, ведь, в одной деревне. Из вышеописанного можно заключить, как бедно жил народ в эти годы.

Хочется добавить.

Все мы, еще живые из нашей большой семьи: 6 человек в возрасте от 64 до 85 лет, живущие на пенсию, были придавлены морально. Отражалось это и на работе вплоть до увольнения как членов семьи «врагов народа». Только теперь, когда начался процесс обновления нашего общества, когда открылась вся «тайна» великого кремлевского самодержца и его опричнины, когда пришли к руководству последователи Ленина В.И., мы вздохнули полной грудью, светлым воздухом революционной перестройки.

Посещая иногда свою родную Беларусь, где мы родились, росли, Гед каждый кустик мне был знаком (я посла скот в течении 6 лет)сжимается сердце от боли. Все луга нашего хутора заросли кустарником, с на том месте, где стоял наш недостроенный дом, лежит только камень, который лежал когда-то у крыльца. Радует сердце хоть то, что наш отец увековечил свою память.

Все наши односельчане-колхозники зовут наш хутор «Горновским». Сеять ли, пахать ли, говорят: «На Горновском хуторе».

Я, Горновская, ныне Горовцова Агафья Михайловна, родная сестра всех выше поименованных братьев Горновских.

3.02.1989.